

В своём комментарии Юрий Арабов сравнивает 90-е и «нулевые» со временем расцвета НЭПа, совмещавшего малый частный бизнес и крупные государственные монополии. Нынешний НЭП всё более походит на исходный вариант 1921-го года с диктатурой одной партии и одного вождя. Что же нам делать в ситуации прогнозируемой второй и, по-видимому, последней «конвульсии» Третьей державы? Остаться людьми – таков ответ Юрия Арабова.

* * *

Весной 2010-го года я оканчивал новую прозу и, размышляя о написанном, решил приделать к свежему роману эпилог, совсем не относящийся к основному тексту. Мне захотелось написать несколько сцен из раннего НЭПа, которые бы резко контрастировали с основной современной частью повествования. Начал просматривать соответствующие материалы и наткнулся на книгу Арманда Хаммера «Мой век – двадцатый», которую в Интернете едко поругивали. Открыл ее и не согласился с виртуальной оценкой. Книга оказалась довольно смачной. Из нее я почерпнул ряд бытовых деталей, относящихся к 1921-му году. Но главное было не это. Главным был эффект дежавю: мне показалось, что я жил в эту эпоху, знаю ее закоулки и воздух... в общем, мне все это хорошо известно, причем не из книг и фильмов, а из своего персонального опыта.

Я удивился подобному эффекту. Начал рыться в памяти и, конечно же, уткнулся в 1992-й год. Совпадений было множество. Хаммер пишет о пустых, забитых досками магазинах весны 1921-го года. О поросшем лебедой сквере около Большого театра. О партийных «закрытых» распределителях, в которых, кроме гнилой картошки и непропеченного хлеба, не было ничего. Автор мемуаров, переживая разруху, поехал в поезде европейского социалиста Людвиг Мартенса на Урал, чтобы утешать голодных рабочих рассказами о коммунистическом завтра. Вернувшись в Москву в сентябре, путешественник не поверил своим глазам: в открывшихся магазинах стояли элитные французские вина. Висели колбасы, от запаха которых кружилась голова. Было неизвестно, на что все это покупать, потому что с советскими бумажными деньгами творилась белиберда, покуда в обращение не вошел «золотой червонец» Сокольникова. Но все делалось быстро. Ветер истории, переставший дуть в период разрухи 20-го года, снова надул молодые паруса восстававшего из пепла государства. Лебеду у Большого

скосили и высадили цветы. Беспризорников начали отлавливать и окультуривать. Говорили, что все это придумал Старик, что мгновенное озарение, вошедшее в его сократовский череп, перевернуло жизнь страны. Потом, правда, выяснилось, что НЭП придумал не Ленин. За полгода до этого Троцкий положил на его стол записку, в которой критиковалась политика военного коммунизма и предлагались меры, существенно ослаблявшие экономическое давление на крестьянство. Потом за эти «меры» оба и ответили. Ленин был изолирован в Горках и фактически убит (всех заинтересованных я отсылаю к исследованию историка Владлена Сироткина, посвященного этой теме), а Троцкий – оглушен ледорубом.

Примерно тот же переворот в быту мы наблюдали весной 1992-го года. Я – человек, не слишком избалованный комфортом. Маяковскому нужна была только свежестырированная сорочка, мне – овсяная каша, желательно на молоке. С этим молоком была страшная проблема в 91-м году. Я спасался лишь тем, что успел купить детское питание – полуконцентрат, в состав которого входили какая-то крупа и молоко. Но весной 92-го вдруг «все появилось» из ниоткуда. Тверская была забита торговцами, державшими разнообразный товар прямо на асфальте. Я ездил за молоком к метро «Баррикадная», покупал там трехлитровую банку за дикие деньги и возвращался счастливым домой. Через короткое время молоко (правда, порошковое) появилось во всех московских магазинах, так же как и французские вина.

Интересно в смысле аналогий описание первой встречи Хаммера с Владимиром Ильичом. Тогда они договорились друг с другом о передаче предприимчивому американцу в концессию асбестового рудника на Урале. Ильич пообещал, что легко «продавит» этот вопрос на ближайшем заседании Совнаркома. Однако «в помощь» Хаммеру в рудном деле он даст двух «проверенных товарищей»: одного – из рабоче-крестьянской инспекции, а второго – непосредственно с Лубянки... Этим неожиданным предложением Ильич вогнал Арманда Хаммера в величайший ступор. Что-то знакомое и чрезвычайно современное слышится в этой сцене, какой-то мотив, который проигрывается до нынешних дней снова и снова...

Позднее, незадолго до своей кончины, Троцкий опишет в своей книге «Преданная революция» возможный исторический сценарий для Советской России: собственность народа окончательно отбирается горсткой партийных функционеров – «совбуров» (оказывается, это словечко, означающее советскую буржуазию, ходило еще с начала 20-х годов), юридически оформляется, и все население коммунистической страны переходит в положение наемных рабочих. Этот странный капитализм номенклатурного типа, по мнению Троцкого, должен оформиться «вот-вот», еще при жизни Сталина... Лев Давидович обознался на пятьдесят с лишком лет. Однако его прогноз сбился, как по нотам, на рубеже XX

I
века... И, прикидывая в голове эти факты, я прихожу к мнению, что мы все сильно ошиблись. Ошиблись в том, что в 1991-м году родилось некое новое государство.

Из неверной посылки следуют тупики логических выводов. Мы не можем понять, почему при новой России, которая, к тому же, «поднялась с колен», напрочь отсутствует пассионарность нации. Почему наука, культура и образование развиваются «обратно», вспять, проходя от одной стадии деградации к другой? Почему «элита», а точнее, правящий слой, не ориентирована национально, вывозя детей и капиталы за рубеж? Почему мы теряем территории и народонаселение? Почему в нашем языке появилось славное выражение «эта страна»? Почему, наконец, деморализацией охвачены все социальные слои – от спивающегося крестьянина до управленца высшего звена?.. Почему никто не может внятно сказать, какое общество мы строим? Может быть, правовое государство? Но это понятие весьма расплывчато в ситуации, когда законы массово нарушаются милицией и гражданами, а суды независимы от этих же законов. Вопросы можно продолжать и продолжать. Однако если мы примем за логическую посылку то, что в 91-м году прошлого века *ничего принципиально нового* не родилось, все становится на свои места.

Мы по-прежнему живем в государстве, придуманном В. И. Лениным. Только мы почему-то забыли о второй его голове. О первой голове знают все – из нее родилась идея марксистского переворота в «слабом империалистическом звене», которым была царская Россия. Из этой же головы вышла идея классовой борьбы, репрессий и экономики мобилизационного типа. Однако у Ильича, как у сказочного чудовища, а может быть, и российского герба, была еще и вторая голова. Эта вторая голова с помощью Льва Давидовича и эсеров придумала НЭП – подобие государственного капитализма с ограничением гражданских свобод и диктатурой одной партии. Собственно, с 1921-го года Ленин переставал быть вождем мирового пролетариата, а становился «всерьез и надолго» вождем нарождающейся буржуазии нового типа. Понимал ли он это? Я думаю, что да, понимал. От этого его мучения по поводу обуздания «бюрократического аппарата», дошедшие до предложения тайного политического блока Троцкому, чтобы «свалить» правящую триаду: Зиновьева, Каменева и Сталина. Его идея «рабоче-крестьянской инспекции» и увеличение состава ЦК тоже родилась из этих мучений... Но было поздно, слишком поздно. Через несколько лет после его смерти Сталин задушит НЭП, воспользовавшись концепцией «трудовых армий» и экономической мобилизации, тоже не собственной, а взятой из того же троцкистско-ленинского наследия.

Однако в 1992-м году ленинская «вторая голова» была извлечена из праха. **С учетом реалий информационного и постиндустриального общества начал строиться,**

вернее – возродиться, ранее придуманный НЭП, который в наши дни все более походит на исходный вариант 1921-го года с диктатурой одной партии и одного вождя.

В этом контексте смешно, конечно, слышать о выносе тела Ленина из мавзолея. Кого вы будете выносить, создателя современного политико-экономического строя? Случилось то, о чем предупреждал в 1936-м году Лев Троцкий: собственность оказалась в руках членов партийной номенклатуры и тайной полиции. Так что пластинка эта крутится около ста лет, и невидимая рука меняет одну сторону на другую.

В этом плане работа историка Федора Синельникова представляется крайне важной. Третья российская держава, конечно же, не погибла в 1991-м году. Тогда случилась лишь ее могучая конвульсия. Может быть, инсульт или инфаркт, не знаю, как сказать на бытовом языке точнее. Но славный старик все же оправился на какое-то время, взяв на вооружение концепцию столетней давности. Можно с достаточной уверенностью предположить, что наше нынешнее государство имеет две головы, которые грызутся друг с другом и всё валят в одну кучу: советский гимн, царский герб, великодержавие, безвизовый режим, демократию, интернет и репрессии, которые имеют пока, слава Богу, выборочный, локальный характер. Что будет дальше, несложно предположить.

Когда-то ваш покорный слуга написал залихватскую статью о событиях августа 1991-го, трактуя их в терминах метаистории. Сейчас из этой работы актуальным мне кажется только один пассаж, касающийся «замутнения», окостенения лица Ельцина сразу после победы над ГКЧП. Острый на язык человек скажет, что это «замутнение» произошло от количества выпитого. Но мы воздержимся от бытовых спекуляций. Сегодняшний день подносит увеличительное стекло к событиям того дождливого лета. В течение короткого времени с Ельциным произошло следующее: из чиновника, пусть и всесоюзного масштаба, он превратился в нечто большее: в выразителя интересов Третьей державы, которая начала постепенно выходить из комы.

Это вопросы весьма интересные и требующие отдельного разговора. Например, покойный историк и литературовед Натан Эйдельман мечтал в конце 80-х о том человеке, который напишет историю советского государства как историю становления дворянства нового типа – номенклатуры, окончательно оформившейся в 1934 году после отмены Сталиным «партмаксимума». Напомню, что партмаксимумом называлось ограничение заработной платы для партийных работников всех звеньев. Эйдельман предполагал выявить пропорциональную зависимость вкладов Сбербанка от количества репрессированных, но, кажется, сам не сделал этой важной работы. Возможно, что это просто остроумное замечание. Хотя в каждой шутке есть доля шутки.

Не так давно наш нынешний национальный лидер предложил считать крах Советского Союза величайшей геополитической катастрофой XX века. От себя добавим – то был не крах, а лишь *первая* конвульсия, правда, весьма серьезная.

Что же нам делать в этой тяжелой ситуации прогнозируемого и неблагоприятного будущего? **Остаться людьми – в этом наша единственная задача и призвание.** Любить ближнего, стараться использовать свое образование, полученное еще до распада империи, для благих дел и начинаний.

И в конце повторю вышесказанное: оценка современной России как прямого продолжения России Советской освобождает наш разум от химер и розовых ожиданий. **За первой конвульсией, по-видимому, последует вторая, последняя.** То, что современное российское государство еще во времена «демократа» Ельцина решило быть правопреемником Советского Союза, – конечно же, не случайность.

Жить без химер, «без надежды» трудно. Надежда противопоставляет себя реальности, но если она искажает ее до неузнаваемости, от нее следует отказаться. В этом и есть, по-видимому, истинная свобода.

[Обсудить статью на форуме](#)

[Предыдущая статья](#) :: [Оглавление](#) :: [Следующая статья](#)